

18+

Любовь Бортник

Время чести

16+

Любовь Бортник

Бремя чести

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57282921
ISBN 9785005124128*

Аннотация

Ален до встречи с Арабель был обычным кутилой. Он любил развлекаться и тратить деньги на женщин и прочие утехы. Когда совершенно не знакомая ему девушка протянула ему руку в миг, когда он был на краю пропасти, он увидел в этом жесте что-то божественное. Когда он был занят исключительно сердечными делами, он на время забыл о своём «деле чести». Всё вновь повторилось, когда на месте обвиняемого оказалась его возлюбленная. Перед ним встал выбор: честь или любовь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	44
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Время чести

Любовь Бортник

© Любовь Бортник, 2020

ISBN 978-5-0051-2412-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мы калечим жизнь своими безумствами и пороками, а потом жалуемся на беды, следовавшие за ними, и говорим, что несчастье заложено в самой природе вещей.

К. Боуви

В каждом из нас живут пороки, но некоторые считают это преимуществом. Как бы мы ни хотели скрыть свою порочность, она рано или поздно выплывает наружу, оголяя сущность человека, представив обществу его самые грешные черты. И, кажется, у людей, которые всепризнанно являются демонами во плоти, неспособными скрыть и подавить свои пороки, последние являются частью их души и неотделимо существуют со своими рабами. Кажется, они настолько срослись друг с другом, что места для добродетели не только нет, но и всепожирающие пороки вокруг уподобляют себе и добродетели.

И если бы вы один раз столкнулись на улице с Аленом Жоффруа Д'Амбруазе, и даже не подняли бы на него глаз, вам бы показалось, что мимо прошёл хаос, всепоглощающий чёрный клубок всего того, что против естества жизни. Избалованный, самовлюблённый, он был из одного из самых уважаемых и богатых не только в Марселе, но и во всей Франции рода. Хоть он от Бога и был хорош собой внешне, внутренне его поразила самая смертоносная болезнь. Если на вас

не было дорого пальто и нескольких килограммов золота, а волосы и кожа, даже при должном уходе, не могли бы сойти за волосы и кожу Бога, вы являлись для него не просто отбросом, а тем самым паразитом, что, по его мнению, своим уродством и бедностью убивает истинную красоту избранных, к которым он относил и себя. Он не ходил по улицам Марсея, что бы не встретить грязного попрошайку, чудовища, чьё уродство ослепило бы его божественные глаза. Но если бы его глаза действительно были бы подобны божьим... Разве можно ослепить того, кто слеп, очернить того, кто полон скверны, пожирающей его изнутри. Он не знал понятий «обычных людей», в его разуме были только идеалы, как он, и мрази, живущие за счёт остатков жизнедеятельности таких, как он.

Но если бы любовь помогала прозреть слепцам, а немым – заговорить, может быть Ален прозрел бы, когда-нибудь.

Арабель Бланкар не была членом высшего общества, или избранной. Она была обычной торговкой, продавала выпечку в лавке месье Бенуа, но своей красотой и чистотой затмила бы любую, даже самую прелестную, француженку.

По воле судьбы они столкнулись, когда Арабель выходила из лавки, что бы отправиться домой отдохнуть, а Ален, пьяный и удручённый, осенним субботним вечером шёл домой по улице, по которой не ходил ни разу, из-за боязни заразиться уродством, от людей, знавших из роскоши только сыр в Рождественский вечер, и бисерные браслеты из лавки

мадам Бурне.

Она, Арабель, могла бы принять его таким, каким он был, но жизненная справедливость этого не позволил.

Они столкнулись, и он упал прямо в лужу. Он лежал в грязи, беспомощный и, кажется, ненавидевший всё вокруг.

– Вставайте, месье! Не дело такому человеку как вы лежать здесь, посреди улицы, да ещё и вымокшему, как запаренный изюм.

Девушка протянула свою миндального цвета руку, пытаюсь помочь молодому человеку подняться.

– Отойди! Скорее небеса задавят меня, чем я позволю такому отвратительному существу как ты прикоснуться к себе!

После его слов наступила минутная тишина. Арабель понимала, что должна была убежать, как можно быстрее, и оставить это существо наедине со своей чернью, но Алэн заговорил снова, но будто сам с собой.

– Почему они так меня ненавидят? Почему даже эта грязная девка не ставит меня ни во что? Она должна целовать мне ноги за то, что я здесь прошёл, а она делает вид, будто она здесь сердобольная, а я – нищоброд, который ждёт её помощи, как манну небесную! Вы все, да и не только вы, меня ненавидите, – со слезами, сжимая зубы, проорал Алэн.

– Может потому, что ты гнилой внутри, как яблоко, что не успели сорвать, и оно упало на землю, и лежит в одиночестве осень, зиму. Оно гниёт сначала изнутри, а потом снаружи. Излишество денег и недостаток любви делает тебя

таким, наше же убранство – последствие недостатка денег, но мы не лишены любви, и поэтому мы как яблоки, что падают раньше остальных, но их берут первыми.

После этих слов она немного побыла в раздумье, но в один миг схватила Алена за рукав, помогла ему встать и поспешно ушла, обернувшись лишь раз, чтобы убедиться, что её никто не преследует.

Ален, ничего не понимающий, и как ударенный молнией, пошёл в другую сторону, домой.

Глава 2

Худо быть полным недостатков, но еще хуже быть полным ими и не желать сознавать их в себе, потому что это значит прибавлять к ним еще самообман.

Б. Паскаль

Какими тщеславными мы не оказались бы, красота – страшная сила. А красота женщины – исцеляющий напиток, и в то же время смертельное оружие. Главное – правильно употреблять одно, и правильно применять другое.

Арабель возвращалась домой уставшей и обеспокоенной. Ей казалось, что те слова, которые она произнесла тому меся, коим был Ален, приведут её на эшафот.

Ален бродил в тот вечер ещё несколько часов, и с каждым шагом всё больше запутывался в лабиринтах улиц. Оглядевшись по сторонам он понял, что не представляет в какой стороне его дом, ведь он никогда не ходил пешком – к самому порогу его поместья на окраине Марселя его обычно доставляла карета.

В его голове крутились слова той девушки, что без зазрения совести подала ему руку в трудный для него момент.

– А она не промах, не струсила передо мной.

И тут он понял, что поспешил назвать её тогда грязной девкой. Он не видел её лица, не разглядел ни одну черту, кроме руки. Жилистой, но аккуратной, цвета миндаля, кото-

рая пахла ванилью, мускатом и всё тем же миндалём. Только рука, до локтя освещённая масляным фонарём.

И голос. Он не мог его позабыть, мягкий, нежный, с утончённым прованским акцентом. «Таким голосом обычно разговаривают лучшие актрисы Парижа», – подумал он. И ему бы не знать, ведь его подруга Годелив вот уже два года живёт в Париже и выступает на сцене «Комеди Франсез». ¹

Годелив... Своенравная, страстная девушка, что так пленила его ещё во время их совместного времяпрепровождения в Генуе. Мать Годелив была сводной сестрой отца Алена, и в то же время – его единственной выжившей родственницей. И если бы Ален и Годелив слушались родителей, а не сбегали из дома сеньора Джентиле, который принимал их всякий раз, когда родители Алена приезжали отдохнуть в Геную, да так что их искали до позднего вечера, а иногда и всю ночь, может они не стали бы такими, какие они есть сейчас. С раннего детства Ален не привык к тому, что его поучают, он не мог усидеть на месте.

Прекрасные дни в Генуе, дни свободы и полного равнодушия к происходящему. Ален знал, что они с Годелив не родные кузены, а поэтому не бросал надежды завоевать сердце белокурой красавицы. Это оказалось очень просто, и он со временем стал понимать, что любая девушка сделает всё, что он захочет по одному мановению его руки. Став стар-

---

¹ «Комеди Франсез» – единственный во Франции репертуарный театр, основанный в 1680 году декретом короля Людовика XIV.

ше, Годелив перестала его интересовать как девушка, и они превратились в просто друзей. Но неуёмная натура Алена, и страстная чувственность Годелив взяли верх над их разумом и превратили их в постоянных любовников безо всяких обязательств и смущений.

Есть ли на свете прекрасней девушка, чем Годелив? Он не знал. Но одна рука той незнакомки казалась ему прекрасней той тысячи рук, которую он видел.

Он блуждал и блуждал, теряясь в лабиринте тёмных улиц, но, заметив вдалеке свет, быстро поспешил на этот знак судьбы. Масляной фонарь горел напротив лавки мадам Гобер, в которой продавались лучшие ткани Марсея. Алэн подошёл к стеклянной витрине, и взгляделся в своё отражение. Он не увидел своих глаз.

Нет, конечно, у него были органы зрения, но они являлись лишь оболочкой. Глаза были пусты, безжизненны, одиноки.

Стук копыт по мостовой вывел Алена из состояния задумчивости. Он поднял руку и указал приближающейся карете, чтобы та остановилась.

– К дому Д’Амбруазе, да по живее!

Глава 3

Ни одна добродетель не искупает пороков.

Ювенал

То, что прошло, нельзя возродить, можно лишь остановить процесс разложения. И гадость внутри ты не уберёшь, как бы ни старался, и как бы не была сильна красота, и любовь, что её дарует.

Посреди ночи он ввалился в свою комнату. Никто не заметил его отсутствия – со своих увеселительных встреч он часто приходил под утро.

Заперев комнату на ключ, чтобы никто не отвлекал его, никто не донимал расспросами, он завалился на кровать, не сняв грязной одежды.

Он хотел побыть один. Впервые за долгие-долгие годы, а может, и за всю жизнь. Он вспоминал слова незнакомки, её голос, её руку. Руку, длинную, нежную, сильную, с грязью и засохшим тестом под ногтями. Даже эта грязь показалась ему какой-то необыкновенной. Не такой, какая бывает у бродяг и попрошаек, эта грязь была олицетворением жизни, показателем того, что это было не привидение, и не ангел, сошедший с небес ради него, а обычная девушка, каких в Марселе тысячи.

Он знал практически всех девушек Марсея, которые относились к высшему обществу, но таких рук, как у незнаком-

ки, он ещё не видел. Они истончали боль, тяжесть, но в тоже время смирение.

«О, как бы я хотел взглянуть в её лицо!», – повторял Ален несколько раз, лёжа на своей перине. С этой же мыслью он и уснул.

Проснулся он от стука в дверь.

– Жоффруа! Если ты не откроешь дверь, мне придётся сломать её! Уже полдень прошёл, а ты всё не выходишь. Неужели вчерашний вечер так вымотал тебя? Или, может, Годелив вернулась из Парижа?

Это был его лучший друг – Лорентин Де Бутайон, второй по значимости кутила в Марселе.

– Уходи, Лорентин, мне слишком плохо, чтобы кого-то видеть, – ответил своему другу Ален, явно недовольный таким внезапным пробуждением. Он не хотел, чтобы кто-то сегодня вторгнулся в его жизнь, и тем более в душу.

– Ладно, когда придёшь в себя, дай знать. В субботу все будут ждать тебя у Руже. До встречи, друг! Приходи скорее в себя, – аккомпанируя своим последним словам тремя стуками в дверь, попрощался Лорентин.

Ален не обратил внимания на слова друга и отвечать ничего не стал. Он думал всё об одном – о прекрасной руке, длинные пальцы которой так сильно схватили его тогда за рукав и подняли на ноги.

«Я непременно должен встретиться с ней», – решил он.

Весь день он не выходил из комнаты, но к вечеру открыл

дверь и прошёл в ванну, чтобы смыть с себя старую засохшую грязь и неприятные мысли. Он переоделся, звоном колокольчика известил прислугу, что желает кофе, и принялся выжидать. Он выпил две чашки кофе и стопку виски, дожидаясь, когда в доме все уснут.

Дом, в котором жил он, его родители и бесчисленное количество прислуги, от кухарки до чистильщика обуви и прачки, погрузился в сон. Ален решительно вышел из своей комнаты и направился к комнате Лазара – садовника. Ставив его потрёпанный камзол и штаны, он поспешно вышел на улицу.

Стояла гробовая тишина, и только через несколько минут послышался топот ног по каменной улице. Это шёл месье Шавре, дочь которого, Мадлен, была близкой подругой Алена. Взгляд месье Шавре возмутил молодого человека, но он сдержался. Конечно, реакция этого месье была ему понятна – возле самого богатого дома Марселя стоит попрошайка в старых одеждах, пряча своё лицо под дорогой шляпой. «Он может подумать, что я украл её. Тогда всё рухнет», – вдруг прояснилось в мозгу Алена. Сперва он хотел окликнуть месье Шавре, но побоялся, что после этого разоблачения он станет посмешищем для всей Франции.

Шаги уважаемого месье отдалялись и отдалялись, и Ален пустился в поиски. Он бродил по Марселю до самого рассвета, но так и не нашёл того, чего хотел. На какую бы улочку он ни зашёл, в какую бы часть города ни привела его рука

судьбы, он не мог найти лавку Бенуа, а следовательно и таинственную незнакомку, которая там работала.

«А что если она там не работает? Вдруг она просто приходила проведать месье Бенуа? Он ведь живёт на втором этаже, и его покои связаны с лавкой винтовой лестницей. Вдруг она появилась в городе всего на один вечер, и сейчас она в обществе элегантных кавалеров пьёт бургундское вино где-нибудь в престижном доме в Париже. Не может этого быть, эти руки пахли именно бакалеей», – рассудив ситуацию, Ален решил, что пора возвращаться домой, пока никто не проснулся и не заметил его отсутствия. Он не хотел допросов, вторжения в его голову и исключительно личную жизнь.

Зайдя в свою комнату Ален не сразу заметил девушку, сидящую на его кровати. Он спокойно зажёл лампу, снял с себя лохмотья садовника и накинул на себя лёгкий атласный халат. Пламя слегка колыхалось, а Ален вглядывался в огонь, и видел руку. Одну единственную сильную, но нежную руку. Он стоял несколько минут и почувствовал на себе взгляд. Обернувшись, он лишь увидел ноги, свисающие с кровати. Обнажённые ноги. Он узнал их.

– Не задавай вопросов, ибо у меня они к тебе тоже имеются. Не будем омрачать утро.

– Я думала, что ты подпрыгнешь, от радости или удивления, но ты так сух, словно сушёное яблоко, – еле слышно проговорила девушка. Она подошла к Алену и крепко обня-

ла его. Она была полностью обнажённой.

– Годелив... Ты могла бы появиться в более подобающем виде.

– Раньше ты не высказывал своё недовольство по поводу моего внешнего вида.

Немного помедлив, девушка добавила.

– Прости. Я не смогла найти у тебя в комнате подходящий для меня наряд. Но, думаю это подойдёт, – пролепетала девушка себе под нос, стягивая простыню с кровати.

– Ты приехала так, из самого Парижа? Вот уж занятное зрелище.

– Каким образом и в каком виде добралась я – это моя тайна, можно даже сказать профессиональная. Я люблю перевоплощаться, этот навык делает меня незаменимой в некоторых кругах, – девушка замялась, было видно, что она не хотела больше говорить о себе.

– Твой приезд сюда не случаен. Тебя выгнали из театра?

– Нет, я сама ушла оттуда. Я не смогла реализовать там свои таланты.

– И где же ты их реализовала?

– В доме мадам Ньюбурже. Но и там у меня появились проблемы, которые я могу решить здесь. Ты ведь поможешь мне?

– Если ты расскажешь всё, как есть. Только тогда я отвечу, буду помогать тебе или нет.

Рассказ Годелив ошеломил Алена. Он был готов услышать

любое, но такого в голову ему и не приходило.

Годелив, попрощавшись с Марселем, отправилась покорять Париж. В «Комеди Франсез» она проработала всего несколько месяцев. Мадам Ньюбурже переманила актрису к себе, заманив девушку отличной оплатой каждый день и прекрасными постановками, в которых Годелив не будет равных.

В реальности же, у мадам Ньюбурже был не театр, а публичный дом, при чём исполняющий свою деятельность, естественно, незаконно и тайно. Как только духовенство узнало о заведении мадам Ньюбурже, его сразу упразднили, а саму основательницу и её артисток ждал эшафот на Гревской площади. Годелив умудрилась сбежать, переодевшись монахиней. На крестьянской вознице она добралась до Марселя, а здесь без труда нашла дом Д'Амбруазе. В виде монашки она появляться перед Аленом не хотела, и скинула с себя непривычные одежды перед тем, как войти в дом.

Рассказ Годелив поразил Алена не так, как её просьба. Просьба была ошеломительной, низкой, отвратительной даже для него.

– Ты не представляешь какое это прибыльное дело. Если мы откроем здесь подобное заведение, представь, все богачи будут стекаться в одно место и оставлять нам свои кошельки. А я – буду Примой, настоящей королевой Марсельского театра.

– Марсельского борделя! Ты просишь меня помочь тебе

открыть публичный дом! Опомнись, Годелив. Мы не были идеальным обществом, мы устраиваем шумные увеселительные посиделки, но публичный дом... Это выше моего понимания. Лучше убирайся прочь из города, иначе я сдам тебя жандармерии как личность, затевающую бунт против короля.

Ален кричал, подавляя эмоции как мог, но злость его и отвращение росли с каждым мгновением.

– Быстро ты изменился, Ален! Куда подевался тот Ален, мой Ален, который плевать хотел на законы, приличия и устои? Тебе ведь такая жизнь была в радость, что же изменилось?

– Я уже давно не твой Ален. Уходи. Я предупредил тебя. Появишься в моём доме – жди свидания с палачом.

Ален указал рукой на дверь и отвернулся.

Мадам Изабель Д'Амбруазе наслаждалась прекрасными цветами, поглаживая их лепестки, в то время как Годелив бежала по лестнице, а простыня, в которую она завернулась, колыхалась от ветра из-под её быстро шагающих ног.

Глава 4

Ничто так не связывает нас, как наши пороки.

О. Бальзак

Раньше Годелив для Алена была не просто любовницей или подругой, с которой можно было побеседовать о разном, она была для него спасением от разных бед, наставником, психологом, утешителем. Теперь всё перевернулось. Он не хотел больше её видеть, хотя ещё пару дней назад грезил о встрече с ней, мечтал, что она всё таки оставит светскую жизнь в Париже и вернётся к нему, чтобы вместе поехать в Геную, где им было так хорошо.

Он маялся в кровати, и мысль о Годелив ушла на самое последнее место в его голове. Весь день он не выходил из комнаты, за исключением того момента, когда, после ухода Годелив, быстро спустился в каморку садовника, чтобы вернуть одежду. После обеда к нему заходил Лорентин, но Алена его не впустил.

Юноша с трепетом ждал ночи, чтобы снова отправиться на поиски девушки, рука которой помогла ему даже в такой ужасный момент, как был тот. Поиски и этой ночью ни к чему не привели, и Алена погрузился в депрессию. Его даже не терзали мысли о светских встречах в доме Руже, на которых он, как и в тот вечер, когда ему повстречалась загадочная рука, был объектом в равной степени как всеобщего

обожания и восхищения, так и насмешек и ненависти.

В тот вечер в доме Альфонса Руже де ла Сюмар гостило много молодых людей, от менее богатых, до богатейших, таких, каким был Д'Амбруазе. Альфонс Руже представлял собой толстопузого мужчину тридцати пяти лет, женившегося дважды на дамах вдвое старше него. Когда вторая его супруга, Жульте де ла Сюмар, скоропостижно скончалась, её дом перешёл в управление вдовцу, который по мимо роскошного особняка оттяпал и присвоил себе и фамилию зажиточной дамы. Никто из тех, кто знал Руже, не был впечатлён таким поступком, но и заострять на нём внимание не стал. «Пускай живёт как хочет», – твердили все, – «это не наше дело. Здесь хорошая выпивка, какой прок нам от его фамилии или её отсутствия». И все смирились, что теперь Альфонс Руже не просто Альфонс Руже, а Альфонс Руже де ла Сюмар, пусть даже родовое поместье Сюмар ему никогда и не принадлежало по праву.

В огромной зале двухэтажного особняка, облицованного камнем, собралось больше ста голов знати. Все – одеты со вкусом, без излишеств, но через чур броско. Молодой высокий мужчина в бархатном камзоле с атласными манжетами пытался играть на фортепиано, небрежно постукивая пальцами то по чёрным, то по белым клавишам. Как только хохот толпы оказался слишком оглушительным, мужчина встал, поправил камзол и отошёл к большому овальному столу, где стояли фужеры с уморительной выпивкой. Схва-

тив пару бокалов молодой человек встал к мраморной колонне, что венчала углы зала, и, прислонившись левым плечом к холодному камню, выпил сначала один бокал, а следом второй. Он уступил место за фортепиано прекрасной даме лет сорока, которая, пока он пил, играла менуэт, по её словам, собственного сочинения. Господа и дамы образовали круг и стали танцевать, прельстив внимание человека у колонны, которому вскоре это зрелище опротивело, а звуки фортепиано стали бить по вискам, вызывая тяготившую его боль. Его зелёно-карие глаза стали прикрываться веками, голова начала всё больше и больше тяжелеть, а прелестно убранные, вьющиеся крупными локонами волосы кофейно-мускатного цвета растрепались и падали ему на лицо. Тогда юноша встряхнул голову и потянулся, изгибая своё до того худощавое тело, что не редко позвоночник у него изгибался, живот выпячивался вперёд, а голова так зажималась в плечи, что образовывался своеобразный горб на спине. Но он не позволял себе расслаблять тело на таких вечерах, как этот. На светских встречах, балах, он всегда держал величественную осанку, и его костлявость придавала ему необыкновенную статью, утончённость и грацию.

– Господа! -начал молодой человек, расталкивая толпу танцующих, и прервав своим громовым баритоном игру мадам за инструментом.

– Разве, не наскучило вам возиться, толпиться, биться друг о друга под эти ужасающие звуки! Послушайте-ка что

скажу вам я, Ален Жоффруа Д'Амбруазе!

Девушки по отпихивали руки кавалеров от своих талий, а кавалеры, нисколько не разочаровавшись, вышли вперёд, подзывая прислугу, чтобы та принесла всем полные бокалы.

– В век высокой культуры, в век прекрасный и обольстительный своими новшествами, вы занимаетесь делом блудниц и бродяг. Что это за танцы? Кто учил вас этому? Разве я когда-нибудь позволял себе такие отвратительные движения? Нет! А всё по тому, что я не умею танцевать, и не берусь за то, чего не умею. Но я видел, как это делают профессионалы. Какие соблазнительные, но в то же время аккуратные и женственные движения изображают танцовщицы в театрах Парижа... Вы не годитесь никуда! Ваши вялые руки и ноги вызывают отвращение, вы не ступаете в такт музыке. А музыка! Что за омерзительная мелодия, мадам? Вам бы следовало сыграть что-то классическое, известное, что-то, что мир уже услышал и признал, а не эту душераздирающую своим уродством вещь, которую тяжело назвать музыкой.

Парень был сильно пьян, руки его то взмахивали, то опускались, но, казалось, он ими не управлял, как и остальным своим телом. В зале пошли недовольные возгласы. Лорентин де Бутайон, закулив трубку, приблизился к другу.

– Довольно, Ален. Пойди домой, да прихвати с собой одну из этих красавиц. Скрась своё недовольство, остынь, – шёпотом посоветовал Лорентин своему другу.

– Ты будешь учить меня, Лорентин де Бутайон? А кто ты?

Что ты из себя представляешь? Все знают, кем был дед твоего деда. Каторжником, горбатился во всю спину на благо Франции!

Прапрадед Лорентина не был каторжником, он был лишь простым кузнецом, что ковал оружие для французской армии, но в глазах Алена это было верхом низости.

– Твоему роду нет и двухсот лет, а ты уже вошёл в элиту французской аристократии! Да вы все, что вы из себя представляете? У кого-то из вас много, очень много денег, но за них не купишь себе принадлежность к знатному роду. Практически все из вас так и останутся в моих глазах, в глазах Алена Жоффруа Д'Амбруазе, всего лишь кучкой жалких, бездомных, вонючих свиней, праотцы которых в жизни не видали ни мыла, ни гребня!

– Ну это уж слишком, Жоффруа!

Все знали, что предок Алена вертелся в кругах, близких к ещё Людовику IX, и женился он на одной из особ, приближённых в то время к королю. Никто точно не знал, правда это или миф, но историю эту знали все. Отец же Алена рассказывал, что предок его женился ни на ком ином, как на Бланке, дочери самого короля Людовика IX, и поэтому род Д'Амбруазе исходит чуть ли не от самого королевского рода. Конечно, всё это было выдумкой, хоть и далёкий предок Алена Жоффруа действительно был знаком с королём, хоть и не известно с каким именно, но месье Пьер Ноэль Д'Амбруазе так искусно убедил всех, что люди знатные, и при прочем не глу-

пые, уверовали в его ложь с тайным восхищением и завистью.

По залу пробежалась волна критических возгласов.

«Это выше моего понимания!», «Кого он из себя ставит?», «Здесь есть люди и по богаче тебя, Жоффруа», «И по воспитаннее!», «Какая низость и нелепость», «Тогда уходи из нашего грязного общества, не мозоль глаза», «Здесь люди старше тебя и выше положением, уважай их!», «Он не уважает никого, кроме себя единственного!», «Кто тут свинья, ещё нужно разобраться, Жоффруа!» – и это малая, самая безобидная часть того, что Ален слышал в свой адрес.

– Друг, я не обижаюсь на тебя, хотя мог бы. Питьё делает тебя неадекватным, ты не понимаешь, что говоришь. Ален! – Ален не смотрел на друга, который пытался образумить его, – послушай, возвращайся домой. На следующем балу никто не вспомнит твоих слов.

– А ну, отойди! Слушайте! Слушайте, илóты! Ваше гнусное общество в конец убило моё терпение! Да, да, за все эти годы, что я прихожу сюда, мне опостытели ваши низменные разговоры, ваше жалкое поведение и несчастный вид! Как можно одеваться дамам, как уличным девкам, а господам – как нищebroдам! Вы хоть раз заходили к месье Кампо? Какие он шьёт наряды, из самых прекрасных и дорогих тканей, исключительные наряды! А посещали мадам Болье, которая делает лучшие причёски Франции? К ней приезжают из Парижа, только ради того, чтобы она надела парик

на голову толстосума своими крохотными умелыми ручками! А какие беседы она ведёт, принимая у себя клиентов! Умнейшая женщина, хоть и не слишком знатная, всё же она достойнее вас всех. Присмотритесь к себе, вы уже изжили себя, ваши разговоры неинтересны и обыденны, вы ведёте себя хуже бродячих цыган, которых я ненавижу и желаю им всем сгореть в Адском огне их цыганского костра, над которым они пляшут. Впрочем, в точности как вы под звуки, исходящие из-под пальцев этой толстоногой старушонки. ²

Алена захлестнула вторая волна недовольства, только теперь недовольны были все, даже мадам за фортепиано, которая первую часть его тирады слушала молча, но изредка кивая головой. Девушки, женщины, мужчины обступили Алена, стали набрасываться на него, тоненькие бледные ручки молоденькой белокурой девчушки начали хлестать лицо самовлюблённого оратора. Один из месье, скорее всего брат этой беспощадной молодой леди, растолкал всех вокруг Алена, оставив место только для себя, и, схватив опьянённого Д'Амбуразе за горло, принялся его душить.

Зал наполнился двумя звуками: визгом девушек и «Давай, прикончи его» мужчин.

Лорентин поборолся за жизнь друга и через несколько усилий выхватил его из цепких лап могучего заступника чести.

---

² Илбты – земледельцы древней Спарты, находившиеся на промежуточном положении между крепостными и рабами.

Вместе они вышли из дома Руже.

– Да брось, ты ведь думаешь так же, как они! Ненавидите меня? А за что? За правду, которую я говорю! Никогда не поймёшь ты меня, Лорентин. Быть избранным Богом – тяжёлое бремя, и нести его нужно с достоинством. Вам, отщепенцам, этого не понять! Уходи к таким же как ты, иди! Обсуждайте меня, насмехайтесь! Только знай – насмехаюсь тут я, над вами! Над вами, ничтожными, юродивыми самозванцами! Высшее общество, как же!

Он оттолкнул друга и поплёлся по тёмной улице, по дорожкам, по которым никогда не ходил. Он шёл, не давая себе отчёта, что обратно добраться сам вряд ли сможет, но он был настолько пьян, что ему было всё равно. Страх встретить уродов, коими он называл всех, кто не вертелся в его кругах, а теперь, после случившегося-то, и даже тех, которые могли претендовать на равенство с ним, отошёл далеко, даже не на второй план.

Он волочил усталые ноги по грязной дороге, и внезапно упал в лужу после столкновения с кем-то. После этого то он и увидел ту самую руку, которая не давала ему покоя, сводила его сума, делала его беспомощным и жалким.

Глава 5

Любой наш недостаток более простителен, чем уловки, на которые мы идем, чтобы его скрыть.

Ф. Ларошфуко

Если бы Ален знал, где повстречает свою прекрасную незнакомку, он обязательно выглядел бы наилучшим образом. Ни за что бы он не сказал ей дурного слова, не обратил бы внимание на её одежду, обувь, состояние кожи или волос. Если бы он знал, где увидит её... Он бы был в этом месте таким, каким никогда не был и не станет. Он тешился тем, что обманув её первое впечатление, сделав его безупречным, она никогда больше не разглядит в нём ничего дурного.

С каждой минутой желание найти незнакомку росло и превращалось в навязчивую идею. Он не мог ни о чём думать, он не ел, не пил, не дышал воздухом. Отчаявшийся после двух неудачных попыток, он заперся в комнате, и четыре дня дверь была закрыта.

На пятый день он открыл дверь, когда в неё постучал Лорентин.

– О, Всевышний! Друг мой, ты выглядишь отвратительно! И почему же Годелив не скрасила твои будни? Она жаловалась, что ты прогнал её, и даже не выслушал, а ведь она просила о помощи, – начал молодой человек так, будто несколь-

ко дней назад на приёме у Руже ничего и не произошло.

– Достань мне крестьянскую одежду. Прошу тебя, мне это очень нужно. Сам я не могу, иначе меня заподозрят.

Ален вёл себя непривычно для глаз его друга: тряся, озирался по сторонам, а когда встал, чтобы сделать глоток вина, что принёс ему Лорентин, чуть не упал – стул у трельяжа его придержал.

Сохлые руки еле удерживали стакан, из которого он жадно пил, будто после недели, проведённой в пустыне.

– Ба, друг мой! Да ты совсем в удручённом состоянии. Зачем тебе крестьянские одежды? Ты что, решил в глушь податься? Опостылела светская жизнь, да? – с толикой иронии расспрашивал де Бутайон.

– Нет, это для дела. Мне очень нужно.

– Да, да, – будто не слыша слов Алена пробормотал мужчина.

– Годелив безукоризненная барышня, а как умна! Ты слышал что она придумала? Она хочет открыть в Марселе свой публичный дом. Вот такое никому ещё не приходило в голову, даже тебе. Эта затея понравилась мне, я согласился ей помочь. Думаю, прибыль будет некуда девать. А? Какова, плутовка!

– Принесёшь? Сегодня же, вечером, – спросил Жоффруа, будто и не слышал теперь он. Он посмотрел на друга такими жалкими глазами, полными отчаяния и слабости, которую он так редко испытывал, а если и испытывал, то никогда

и никому не показывал.

– Да зачем это тебе? Лучше послушай меня: бордель – лучшее, что может придумать человек! Если б ты только согласился помочь, нам было бы в разы проще всё организовать...

– Это и нужно для этого. Мне срочно нужны крестьянские одежды, иначе я не смогу помочь Гodelив.

– Да чем лохмотья-то тебе помогут?

– Узнаешь потом. У меня есть грандиозный план, продуманный до мелочей.

– Так вот чем ты тут занимался все эти дни! Хитрец, – улыбнувшись добавил Лорентин, попутно хлопнув друга по плечу.

– Но Гodelив сказала, что ты её прогнал, хоть она и...

– Я не мог не помочь ей. Ты знаешь, как она дорога мне. Сначала мне всё это не понравилось, но мне стало её жаль. Я успокоился, взвесил «за» и «против» и решил помочь ей. Доставь одежды сегодня же, прошу тебя.

– Ну, раз это нужно для большого дела... Ладно, жди вечером моего слугу.

Парни пожали друг другу руки, и Лорентин удалился.

Алена Жоффруа охватила злоба. Он не мог поверить, что кто-то согласился помочь Гodelив с её затеей, и этот кто-то был никем иным, как его лучший друг. «Нет, я не дам им это сделать, они все попадут на эшафот. И славно – мир избавится от моральных уродов! Ладно, потом разберусь с ними.

Главное, что сегодня я получу долгожданные одежды, в которых она не узнает во мне Алена Жоффруа Д'Амбруазе!»

День для Алена тѣк как масло по плоскому столу, но он сумел дожить до вечера сохранив благоразумие.

Слуга де Бутайона принѣс свѣрток за два часа до полуночи – позже, чем того ждал Жоффруа. Он решил развернуть его в присутствии слуги, что бы если что, вернуть обратно, и ахнул, когда развернул одежды.

– Что это такое? Всѣ рваное, грязное! Сколько этому лет? Двадцать? Сорок?

– Господин, месье, – запинаясь, стал отвечать слуга, – это крестьянские одежды. В таких ходят на улицах города простые люди. Если вы хотите смешаться с толпой – это то, что вам нужно.

– А обувь?

– О, господин, простите!

Мужчина достал из-за пазухи старые изношенные ботинки, разорванные по шву и почти не имеющие подошвы.

Ален запрокинул голову назад от недовольства, ужаснувшись видом обуви, которая казалась ему дикой и уродливой.

– Пошѣл прочь! И молчи. Не дай Бог ты разинешь рот, он упадѣт вместе с головой в корзину после удара сабли!

Делать нечего – если Ален хотел найти незнакомку с благоухающей миндальной рукой, ему нужно было надеть именно это. Штанины, зашитые несколько раз в самых разных местах, обвисшая рубаха земляного цвета, а уж камзол... был

совсем не камзол, а какое-то пальто испанского крестьянина, да ещё и Бог знает сколько грязи повывавшее.

Собравшись с духом, Жоффруа надел то, что ему поднесли. Покрутившись у трельяжного зеркала в комнате, он упал на кровать. «Что за вид, Господи! Это только на одну ночь, чтобы найти её. Больше я никогда такое не надену», - думал он, а желание увидеть обладательницу прекрасной ручки только усиливалось и вскоре вытиснило мысли о лохмотьях, что были на нём надеты.

Начал Ален свои поиски с улиц, на которых долго блуждал, но вскоре выбрался и попал на площадь. Ничего не извещало о том, что здесь была хотя бы одна живая душа. Он бродил уже несколько часов, хоть и погода ночью была весьма тёплая, ноги в рваных башмаках начали мёрзнуть. Он хотел присесть на бочку, которую заметил на углу, где переулок выходил на площадь, но из бочки, зашипев на него, выпрыгнула побитая и разодранная кошка. Он отшатнулся от испуга и неожиданности, но, переведя дух и убедившись, что в бочке больше никого нет, постучав по ней ногой, всё же присел передохнуть и обдумать следующие свои действия. Он свыкался с темнотой и тишиной, но вдруг услышал какие-то звуки, где-то не очень далеко, но и не близко.

Он поднялся и пошёл в сторону, с которой доносился шум. Чем ближе он подходил, тем отчётливее понимал – это музыка и смех. Прощатавшись еще несколько сотен метров он вышел на причал, озарённый пламенем костра. Люди,

столпившиеся в круг, закрывали обзор Алену, и он не мог видеть, чем так восторгаются и чему так радуются эти ротозеи. Он подошёл к толпе ближе, и, благодаря своему великому росту, сумел разглядеть сквозь головы, что происходило возле костра.

Старый толстый цыган, с одним глазом и плешинной на голове, бил в бубен рукой, на которой было лишь три пальца. Второй, по моложе и по худее, играл на чём-то вроде скрипки. Музыка была игривая и живая, под неё хотелось танцевать. Пусть и ритм иногда сбивался, что искушённому уху Д'Амбруазе было сразу слышно, мотив и звуки нравились ему. Третий, совсем молоденький мальчишка-цыган, щёлкал деревянными ложками, пытаясь держать ритм, что у него прекрасно получалось. В свете костра Ален заметил, что малец смотрит в пустоту, и глаза его были затянuty пеленой. Мальчик был слеп, но прекрасно чувствовал ритм. Под весь этот забавный маленький оркестр танцевала девушка. Её платье составляла льняная сорочка, рукава которой были оборваны или отрезаны нарочно, и юбка, сделанная из нескольких цветных платков, повязанных на талии. Небрежно и криво срезанные рукава были настолько коротки, что были похожи на широкие лямки, и спадали с плеч девушки, которая так резво танцевала под цыганский оркестр. Красивыми кожаными туфельками, явно не по статусу, в которые были обуты её ножки, он отстукивала ритм, в такт слепому мальчишке. Самодельная юбка её разлеталась в разные

стороны, а чепчик с головы давно валялся неподалёку. Аккуратно убранные на макушку длинные чёрные волосы уже растрепались и из-за них лицо девушки было трудно разглядеть. Свой танец она закончила прекрасным грациозным жестом, отведя одну ногу назад, а другую, слегка оголив, выставила вперёд, поставив её на носок. Спина её изогнулась, одна рука лежала на талии, а другую она завела за голову. Триумфальная и эпичная концовка привела зрителей в восторг, все хлопали, ликовали, просили ещё. И тут внимание Алена приковала поднятая рука девушки, которая стояла в своей изумительной позе секунд двадцать, наслаждаясь овациями. Жилистая, но аккуратная рука, нежная, казалась ему самым прекрасным, что он видел в своей жизни.

– Вы хотите ещё? Чем больше публике даёшь, тем избалованнее она становится, – хохотала девушка.

Она отвязала платки с пояса и вручила их одноглазому, мимолётно погладив его по щеке. Скрипач отдал ей потёртый заляпанный плащ, который девушка накинула на себя. Туфельки она сняла и отдала скрипачу, а сама, босиком побежала прочь, так быстро, что толпа не успела её остановить, тем более что толстяк преградил им путь, давая возможность девушке убежать как можно дальше.

И как Алену повезло, что приход его никто не заметил. Он быстро прошмыгнул мимо угрюмой и расстроенной кучи людей, которая уже начала расходиться. Он побежал за девушкой, но не мог понять куда она делась. Её босые ноги

бесшумно ступали по каменной мостовой, за ней невозможно было проследить, и вскоре Ален остановился.

«Теперь я знаю, где тебя искать!» – с этими словами Ален Жоффруа Д'Амбруазе, в прохудившихся ботинках, грязном оборванном камзоле и потёртых штанах поплёлся домой с лицом, которое говорило о его успехе.

Глава 6

Фальшивое никогда не бывает прочным.

П. Буаст

Если бы Ален хотел, он мог бы влюбить в себя любую девушку безо всякого труда, тем более, что многие из них сами мечтали об этом. Но парню не нужны были ни крестьянки, ни барышни высшего общества, и если б случилось так, что сама Елизавета Александрина де Бурбон повстречалась на пути Алена и предложила ему своё сердце, он прошёл бы мимо, растоптав это сердце, смешав его с грязью.³

Ален совершенно не понимал куда идёт, мгла, окутавшая улицы города, ослепляла его, и он шёл, то и дело спотыкаясь обо что-то. Он не мог больше продолжать идти, а решил присесть на каменную мостовую. Он слышал лёгкое, почти неслышное эхо, что раздавалось где-то вдалеке – то пела девушка, но какая именно он не знал.

«Делать нечего, пойду на голос и в этот раз. В прошлый он привёл меня к ней» – решил Д'Амбруазе и поднялся на ноги. Он плёлся очень медленно, но когда голос стал громче – остановился и стал прислушиваться. Бархатный голосок пел на непонятном ему языке, но пел исключительно прекрасно, не сбиваясь, не прерываясь. Лилась бесконечная нежная ме-

---

³ Елизавета Александрина де Бурбон – внучка короля Франции Людовика XIV.

лодия, будто один голос останавливался, а другой тут же подхватывал песню, создавая эффект полного единения фраз.

Ален поторопился, а голос был всё громче и громче. Немного поплутав в улицах города, он обогнул аббатство Сен-Виктор, и наконец вышел на набережную порта. Луна слегка отражалась в ещё тёплой воде моря, что колыхалось и билось о берег от сильного ветра, пронизывающего до костей. Здесь, у берега, Ален почувствовал озноб, и едва не упал без чувств, если бы не увидел девушку, возившуюся у причала. Она пела, сидя на помосте, болтала босыми ногами. Казалось, она не чувствовала того пронизывающего холода, что чувствовал Ален.

Он не хотел спугнуть девушку и старался шевелиться как можно меньше. Для этого ему пришлось стоять вообще не подвижно, но он был рад этому – с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом он жадно вслушивался в каждый звук, исходивший из уст девушки, и блаженствовал. Теперь, когда она была так рядом, он мог и море переплыть для неё, хотя он по-прежнему не видел её лица, не знал её имени. Он не заметил, как начало светать, он даже не отдавал себе отчёт в том, сколько времени стоит уже здесь.

Девушка прекратила петь и покинула помост. Она направилась прямо на встречу Алену, но он не мог пошевелиться – толи волнение перед незнакомкой так сковало его тело, толи радость встречи девушки, которую он так страстно желал узнать.

Девушка была всё ближе и ближе, а Жоффруа стоял на месте. Вдруг она остановилась.

– Здесь кто-то есть?

В ответ ей последовала тишина.

– Если здесь кто-то есть, прошу вас, не пугайте так меня! Отзовитесь уже!

И снова тишина ответила ей. Тогда девушка собралась и пошла дальше. Ален чуть отошёл, чтобы точно не столкнуться с ней.

И вот она была на расстоянии вытянутой руки от него и остановилась, но, долго не думая, пошла дальше, а он, затаив дыхание, как вкопанный не мог оторвать ног от земли. Лишь мгновения было достаточно, и он снова уловил пьянящий запах пряностей, орехов и выпечки, так прекрасно сочетающийся с собственным запахом кожи девушки. Лишь мгновения, которое она провела рядом с ним, хватило ему, чтобы полюбить и возжелать таинственную девушку, перед которой он так робел.

Девушка, больше не останавливалась и шла дальше. Ален, понимая, что скоро он потеряет её из виду, собрался и поднял прикованные к холодной мостовой ноги.

Она шла, а Ален ей по пятам, мимо домов, где горели лампы, немного освещающие улицу. Девушка повернула, и они с Аленом, хоть она того и не знала, оказались перед какой-то лестнице. Девушка прошла под неё и Ален услышал скрип двери. Ему показалось, что дверь буквально выдолб-

лена в стене. «Неужели она живёт здесь...» – подумал он, и, сделав шаг на встречу к заветной мечте, потерял равновесие из-за онемевших ног, и рухнул, с воплями, на мостовую.

– Эй, кто там! С вами всё в порядке? Где вы, я не вижу вас? – обеспокоенная девушка вышла на человеческий сдавленный крик.

Ален продолжал ворочаться на земле, кряхтел и стонал, осознавая своё положение.

«О нет! Она вот-вот увидит меня! Я не должен этого допустить» – вертелось в его голове, но он не успел отползти, и тем более встать.

Девушка подошла к нему и стала рукой нащупывать упавшего человека. Она коснулась его волос.

– Что разлеглись? Вставайте! Иначе жандармы забьют вас.

«Жандармы? Этого мне не хватало! Тогда всё пропало... Какой позор...» – мысленно прокричал в испуге Ален.

– Я не могу, ноги не слушаются меня. Кажется, я повредил одну при падении.

– Держитесь за мою руку, я помогу вам.

Девушка помогла ему встать, и положив его руку себе на плечо, повела к себе в каморку.

Зайдя внутрь она усадила его на топчан, и поспешила закрыть дверь.

Комната была на удивление просторной, правда, с очень низкими потолками, такими, что Алену пришлось сильно

нагнуться, чтобы не повредить ещё и голову. Посередине стоял невысокий квадратный стол, и скамейка. У левой стены был трельяж, слишком красивый для такой барышни, как жившая тут, но уже старый и, в некоторых местах, не подлежащий починке. Зеркало было лишь одно. На трельяже стояли баночки, флакончики, мелкие и побольше коробочки. Стояла стеклянная ваза с засохшими цветами. Лежало несколько бумаг, помятых и ровных, полностью исписанных крупным, но аккуратным красивым подчерком. На столе стоял кувшин с водой и на треть полная хлебница. Топчан, на котором покоился Алён, был обшит синим бархатом с белыми атласными врезками, и отделан золотой бахромой. С права у стены ничего не было, но сама стена была увешана рисунками, портретами, записями. У средней стены стоял огромный комод с резными бронзовыми ручками. На комодe стояли фарфоровые девушки, хрустальные вазочки и золотой сервиз. В углу стоял сундучок.

Девушка прошла в глубь комнаты и открыла подвал, откуда достала, завёрнутый в кожу, кусок мяса, и запечённую картошку, обёрнутую бумагой. Потом девушка подошла к комоду и достала оттуда мази и склянки.

– Давайте посмотрим на вашу ногу.

Алён повиновался.

– Абсолютно ничего серьёзного! Ни ушиба, ни вывиха, ни перелома. Что же вы так кричали, будто ногу у вас голодные псы оторвали?

Ален молчал. Впервые за это время он был так близок к ней и смог разглядеть её лицо. Огромные чёрно-синие глаза с пушистыми длинными ресницами хлопали чаще обычного, а пухлые малиновые губы беспрестанно улыбались, то слегка, то сильно. Чёрные, как уголь волосы слегка вились и ниспадали на плечи, на которых выпирали косточки. Круглое лицо девушки наполовину было освещено масляной лампой, но и этого хватило бы любому, чтобы очароваться и заворожиться красотой и прелестью девчушки, которая была безупречна. Ей было не больше семнадцати лет, а руки её, с длинными тонкими пальцами, походили на руки более взрослой леди.

Жоффруа не мог оторвать от неё взгляд. Он представлял её абсолютно другой, и не настолько молодой, и, к его удивлению, не настолько красивой.

– Что вы молчите? Вы совсем недавно так охали, а теперь и звука не издаёте. Садитесь лучше за стол, подкрепитесь. Видно, долго вам пришлось скитаться без еды. Вот, поешьте.

Девушка пригласила Алена к столу и пододвинула тарелку ближе к краю, у которого присел Жоффруа.

«Вот уж я не думал, что и вправду сойду за бродягу!» – Ален был удивлён, что девушка стала принимать его за нищего, но выдавать себя не хотел.

Он откусил мясо, но не смог прожевать – оно уже было протухшим, а картошка – была вся в плесени. Девушка же напротив, соскребя всё лишнее с еды, охотно принялась за-

правляться, смакуя каждый кусок.

– Как вы очутились здесь? Что делали в этой части города? Неужели, преследовали меня? – улыбнулась, пока ещё, незнакомка.

– Вы правы, – наконец вымолвил Ален.

– Вот как! И как долго вы за мной шли? Стойте! Вы были в порту? Я окликнула вас, но вы не ответили. Угадала?

– Да, вы правы, прекрасная мадемуазель, – голос Алена задрожал, а девушка слегка смутилась – уж не привычно было ей слышать «мадемуазель».

– Я видел, как вы танцевали. Мне так понравился ваш танец, что я решил познакомиться с вами, и пошёл сзади, только потерял из виду. А потом я оказался в порту, где вы пели. Вы пели чудно! Таких звуков я в жизни своей не слышал!

– Мало вы слышали значит, месье. Что же вы не едите?

– Я не очень хочу есть. Лучше позвольте познакомиться с вами. Утолите голод моей души – скажите ваше имя!

– Я не хочу говорить своего, так как не хочу знать вашего. Обычно, когда ко мне заходит заблудившийся путник, уставший, изнурённый долгими поисками крова, он не оставляет и крошки на тарелке.

– Я не ел так давно, что уже утратил чувство голода. Поверьте, милая барышня, я ни коим образом не хочу обидеть вас, но пища для меня сейчас – хуже смерти.

– Хорошо. Тогда я отложу ваш кусок для кого-нибудь другого. У вас есть дом, или вы отчаянный бродяга?

– Я...

– Не отвечайте, – остановила девушка Алена, который не знал что лучше ответить.

– Есть у вас дом или нет, к сожалению, вам придётся уйти. Я не могу держать вас у себя.

– Тогда мне действительно лучше уйти. Я не требую от вас ничего, кроме имени. Скажите же мне его, и я стану богаче всех на свете.

– Вы и так богаче всех на свете, и имя моё вам ни к чему. Я прошу вас уйти, – настаивала девушка.

Ален не хотел спугнуть то, что зародилось в момент их встречи, и не хотел быть настойчивым, чтобы не оттолкнуть незнакомку, но слова её породили в нём сомнения – а не разоблачила ли она его?

– Что вы имеете ввиду, говоря, что я богаче всех?

– У вас есть жизнь, прекрасное здоровье, образование, острый ум. Этого нет и у половины людей, так что не прибедняйтесь. Я не знаю кем вы были до того, как превратились в бродягу, но совершенно точно – вы не были бродягой от рождения.

– Вы правы.

– Не продолжайте, – жестом остановила девушка смутившегося Алена, – вы сказали достаточно, чтобы мои догадки оказались верными. А теперь, прошу вас, возвращайтесь домой, вас там очень ждут, я уверена.

Девушка открыла дверь и ждала пока Ален выйдет. Он,

как заколдованный, повиновался ей, сам того не желая.

Оказавшись на улице, он долго смотрел на дверь, которая с гулким стуком была закрыта перед его носом.

Глава 7

Одна ложь, замешавшаяся между истинами, делает всех сомнительными.

П. Буаст

Одно дело сказать неправду, а другое дело – заставить людей в эту неправду поверить.

Ален был уверен, что ему удалась затея, грандиозная, как он полагал, идея, которая требовала большого ума и сноровки. Он часто, и с успехом, врал людям, но ещё никогда он не был так искусно обманут самим собой.

Ален возвращался домой, наполовину удовлетворённый, ибо он наконец нашёл её, но так и не узнал имени. Он был счастлив, но горький осадок от того, что она его быстро прогнала, мешал ему полностью погрузиться в эйфорию. Сначала он хотел остаться у её двери, подождать утра и проследить за ней до лавки, где она работала, но он так сильно продрог, что не мог больше оставаться на улице.

Впервые он без труда нашёл дорогу домой, будто его вела нить Ариадны, да и на улице было уже достаточно светло, чтобы разглядеть дорогу, прохожих и дома, мимо которых он шёл. Он шагал со сгорбившейся спиной, еле волоча ноги. Люди начали шнырять туда-сюда, но, о Боже, никто не кланялся ему, да и вообще его не замечал.

«Хватит с меня таких прогулок, пора открыть своё истин-

ное лицо. Я знаю, где она живёт, знаю, что работает в пекарне месье Гаспарда Бенуа, и знаю, что люблю её. Да, этого достаточно, чтобы она согласилась чаще видеться со мной» – размышлял Жоффруа, пока шёл домой.

В прихожей уже сидел Лорентин, нервно стуча пальцами по коленкам.

– Ален! Куда ты деваешься ночами? Я пришёл к тебе ещё ночью, и так и просидел вот тут. Уже почти шесть! Ты загулялся, да ещё и в таких одеждах... Как, получилось? Я так хотел узнать, вышло ли то, что ты задумал! Мне не терпится обговорить с тобой детали нашего дела, – говорил Лорентин своему другу, пока они вместе поднимались к тому в комнату.

– Друг, ты не представляешь. Я нашёл её! – всплеснув руками, радостно прикрикнул Ален.

– Кого её, Жоффруа? Женщину, которая организует нам всё? Или, может, ту, которая сдаст нам помещение для заведения?

– Ты не понимаешь... На днях я повстречал девушку. Я видел только её руку, больше ничего. Я хотел найти её, увидеть лицо, узнать имя, и я нашёл её! Вот только имени пока не знаю, но скоро узнаю. Я не буду скрывать от неё своё лицо и имя, пусть полюбит меня таким, какой есть.

– Ален? Какая девушка? Ты говорил, что это для дела... Ты нашёл ту, которая будет работать на нас? Но у нас же есть Годелив, она будет Примой.

– Ты идиот! Эта девушка, она чиста, словно ангел. А на счёт дела – этого не будет. Разве Годелив не передала тебе, что я ей ответил тогда? Эшафот – вот что ждёт вас, а не огромная прибыль.

– Я не узнаю тебя, Ален! Ты сошёл с ума? Ты наряжаешься в обноски ради кокой-то попрошайки? Жертвуешь своими друзьями, собой, своей репутацией ради неё? Ты просто безумец, ей Богу!

– Она не попрошайка, Лорентин! Убирайся из моего дома, и чтобы никогда, слышишь, никогда я не слышал слова о вашем борделе! Ты знаешь меня – я не отступаю от своего. Если я сказал «эшафот» – значит так и будет. Я не хочу терять друзей, даже таких гнусных, как ты. Иди и извести Годелив, что передумал. Как хочешь, но этому не бывать!

Лорентин выбежал из дома Д'Амбруазе и поспешил по своим делам, Ален же не стал запирается, а спустился к завтраку, который ещё был не готов.

После обеда он собирался поехать в пекарню Бенуа, но его планы расстроились.

В полдень к нему заявился месье Шавре, и известил о неприятнейших событиях.

– Мадлен попала в такую авантюру, в такую авантюру! Господин Д'Амбруазе, вы должны помочь ей! Вы знаете её с детства, она никогда бы такого не сделала, её заставили! – месье Шавре весь трясся от волнения, говорил сбивчиво, запинаясь.

– Успокойтесь же вы наконец! Что случилось, я не понял ничего из ваших слов.

– Ален, дорогой, Мадлен... Её не было весь вчерашний день и всю сегодняшнюю ночь. После завтрака она вернулась в ужасающем виде. Вся растрёпанная, в слезах, закрылась в комнате и никого не впускала. Мне пришлось вышибать дверь, чтобы удостовериться, в порядке ли она. Она рассказала такое! Такое, господин Д'Амбруазе, от чего мои седые волосы стали ещё белее!

– Да говорите уже! У меня не так много времени!

– Я расскажу, господин, всё расскажу. Она была у Руже. Ну у того прохвоста, у которого и вы часто бываете. Вы ведь там даже вместе как-то бывали?

Ален кивал.

– Эта Годелив, эта распутница! Она была там тоже, и пригласила Мадлен к себе. Говорила, будто долго не была в Марселе, соскучилась по старым друзьям... Мадлен естественно приняла приглашение, и на ужин поехала к ней. Что там было! Что было в этом ужасном, публичном доме! Десятки мужчин и женщин, пьянство, дебош, вакханалии! Мою девочку обесчестили, понимаете! Мне стыдно об этом говорить, но я не могу молчать!

Ален недопонимал смысла слов месье Шавре, но то, что в этом была замешана Годелив, насторожило его.

– Не плачьте, месье. Давайте я поговорю с Мадлен сам. Идёмте сейчас же!

Они поспешили в дом месье Шавре, который находился в паре сотен метров от дома Д'Амбруазе. Мадлен и Ален с детства общались, были как брат и сестра, которых никогда не имели.

Пройдя в комнату Мадлен, Ален увидел, что она лежит на кровати, отвернувшись ото всех. Он стал звать её, но она не отвечала. Подойдя ближе он увидел кровь, капающую с руки девушки.

Как бы врачи не пытались, вернуть жизнь Мадлен им не удалось.

– Моя Мадлен! Моя маленькая девочка! Что они сделали с тобой, до чего они довели тебя, моя крошка! – месье Шавре плакал на груди мёртвой дочери, вцепившись в её сорочку.

– Месье, будьте стойким. И поверьте, все повинные в этом будут наказаны.

Ален выходил из комнаты сжимая кулаки, которыми смахнул слёзы.

Он остановил проезжающую мимо карету.

– В дом де Бутайонов, да поживее!

Приехав к Лорентину, он без стука зашёл в особняк, сбив дворецкого дверью.

– Лорентин! Где ты, жалкий подлец!

Он бегал из комнаты в комнату, но никого не было. На его крик вышла мадам де Бутайон.

– Ален, что ты шумишь? Лорентина нет дома, ты же видишь.

– Где он, мадам? Скажите! Иначе пострадаете и вы.

– Он у Годелив, вероятно. Ты слышал наверняка, что она вернулась из Парижа. У них там намечалась шумная вечеринка по поводу её приезда, видимо – устроили на славу, раз его нет со вчерашнего утра.

– С какого вчерашнего утра?! Он заходил ко мне сегодня, было шесть часов.

– Тем не менее – дома его нет!

Ален отодвинул рукой женщину, преградившую ему путь, и побежал в комнату Лорентина.

– Чёртов подлец! – кричал он, стаскивая одеяло с друга.

– Жоффруа? Ты спятил совсем! Эти преследования голодранок тебя сведут с ума, – потягиваясь и улыбаясь, невозмутимо ответил Лорентин.

– Я предупреждал тебя, тебя и Годелив, что не дам этому свершиться, но вы не послушали, не побоялись. Я отправляюсь в Париж! И дело это расскажу не духовенству, нет. Это дело дойдёт до короля, если мне нужно. Я обещал казнь – ты её получишь!

– Да что ты несёшь, Ален! В чём ты обвиняешь меня? После визита к тебе, я поехал к Годелив. Она была разочарована твоим отказом, но приняла его со спокойной душой, так что мы ничего не делали без твоего ведома, или за твоей спиной.

– Что я несу? А то, что вы погубили ни в чём не виновную девушку. Молодую, прекрасную, добрую, невинную девуш-

ку! И увиденному утром я верю больше, чем услышанному сейчас.

– Постой, Ален! Расскажи же, что случилось. Не обвиняй меня в том, чего не можешь доказать.

– Что случилось? А случилось то, что Мадлен умервила себя после того, как вернулась с вашего балагана! Её обесчестили, и она не смогла с этим жить! А как ты будешь жить с этим, а, Лорентин?

– С каких пор ты стал таким сердобольным? Ты что забыл, как сам раньше смеялся над такими историями? Ты думаешь, ты изменился? Никто Мадлен силой туда не тащил, а уж раздеваться её... тоже никто не заставлял. Кто мог знать, что за таким милым личиком скрывается такая необузданная стерва!

– Молчи, – Ален уже занёс руку для удара, но, опустив её, схватил Лорентина за шею.

– Молчи, или я вырву твой язык. Ты не знал её, но я – знаю тебя. Я знаю, какой ты, ведь ты был моим лучшим другом.

Ален поспешно вышел прочь, оттолкнув голову бывшего друга, втиснув её в подушку.

– Может я и был твоим лучшим другом, но ты моим – никогда, – эти слова остановили Алена на выходе из комнаты

– Кому ты нужен, Жоффруа? Все устали от твоего лицемерия и эгоцентризма. Все смеются за твоей спиной, говорят: «Этот Ален так смешон, когда толкает речи. Думает, что

говорит умно, а на самом деле у него такой глупый вид. Он не знает жизни, не разбирается в людях. На всех с открытым ртом смотрит. Его так легко обмануть.» Ты не достоин своего имени. Ты говоришь, я испорченный, гнусный, жалкий, но ты ведь даже хуже меня – ты глупый и трусливый. Не обманывай себя.

– Пусть я хуже тебя, пусть я глуп и труслив, у меня есть то, чего нет ни у тебя, ни у тебе подобных – способность любить. А любовь – большое чудо. Она делает из трусов храбрецов, а из глупцов – гениев.

Лорентин что-то ещё кричал Алену вслед, но тот его уже не слушал.

Дома он всё тщательно обдумал, написал прошение с подробным описанием обстоятельств и лиц, участвовавших в этих обстоятельствах. На утро он заказал экипаж, который смог бы осилить длительную поездку, и предупредил родителей, что отбудет на долгое время.

Вечером он решил отправиться в пекарню Бенуа, что бы встретиться с незнакомкой перед долгой поездкой.

Глава 8

После порока осуждать всех, самый несносный – это хвалить самого себя.

Ф. Бэкон

Тщеславие и ложь неразрывно ходят рядом – как только вы становитесь тщеславным – вы начинаете лгать самому себе, что вы не такой. Если человек бескорыстный хочет сделать другому хорошо, то он берёт и делает, если человек тщеславный – он прежде чем помочь первым делом думает, какую выгоду можно из этого получить.

Ален сидел за своим письменным столом и долго смотрел на запечатанный конверт, внутри которого лежало прошение к верховному судье. Он понимал, что дело это очень сомнительное, доказательств у него было мало – лишь слова отца Мадлен и безнравственное предложение его подруги Гodelив, поэтому он заранее приготовил два миллиона ливров для судьи.

В годы финансового кризиса во Франции такие деньги считались огромным состоянием, но в семье Алена никогда не было с этим проблем. Как могут быть проблемы с финансами, если отец Алена был крупным банкиром, и был в курсе всех событий, связанных с изменениями в финансовой жизни страны. Он знал когда купить акции, когда продать, что бы выручить с них в десятки, а то и в сотни раз больше.

Ален понимал, что если он заплатит, то дело непременно будет решено так, как он хочет, но всё же в чём-то сомневался. Любой бы сомневался, когда дело касается людей, с которыми ты провел бок о бок большую часть жизни. Тем не менее, Мадлен была для него младшей сестрой. Она была девушкой простой, наивной и очень доверчивой. «Воспользовались ею, погубили её... Нет им прощения! Будь что будет, но безнаказанными они не останутся!» – твёрдо решил молодой человек.

Вечером к его дому подъехала карета. Ален вышел. Он выглядел потрясюще. Бархатная треуголка, и из под которой завивались прекрасно ухоженные волосы, украшала голову Алена, как венец. Белоснежная рубашка из тонкого полотна, а поверх неё – кремовая веста, украшенная золотыми нитями. Поверх весты у него был надет тёмно-синий, из плотного бархата, длиннополый кафтан, из-под которого торчали чёрно-синие кюлоты. На ногах – бардовые туфли из тонкой кожи, на маленьком каблучке. Он выглядел безупречно, как и хотел.

Он сел в экипаж и приказал вести его к лавке Бенуа. К его удивлению, кучер даже не стал спрашивать, где это – либо он знал все места Марсея, все лавчонки и лавки, либо месье Бенуа был так знаменит, что его лавку знал каждый второй.

Карета остановилась, но Ален не спешил выходить. У него сильно забилось сердце, он боялся, что она его узнает.

Ален Жоффруа наконец пересилил себя и вышел, отдав

кучеру приказ подождать его. Он подошёл к витрине бакалейного магазинчика, в котором было достаточно много людей, из-за которых он никак не мог разглядеть свою возлюбленную незнакомку.

Вот он заметил, как она обслуживает за прилавком пожилую мадам, которая сильно улыбалась и шутливо отмахивалась от торговки.

Женщина, получив своё, наконец отошла от прилавка, и Алэн увидел прекраснейшее лицо, такое, какое никогда раньше не видел.

В ту ночь, в маленькой каморке в свете масляной лампы девушка выглядела чудесно, но сейчас она была не просто восхитительна, она была идеальна. Всё те же огромные чёрно-синие глаза на круглом миндальном личике, пушистые завывающиеся ресницы, и ярко-малиновые губы. Волосы были убраны под чепчик, который после долгого трудового дня уже начинал съезжать, оголяя вески и открывая взору угольно-чёрные завитки волос.

Девушка посмотрела на улицу, на человека за стеклом витрины, но быстро отвела взгляд и продолжила свою работу.

Алену казалось, что она его и не заметила – он почувствовал себя пустым местом в её глазах, будто он был вовсе не городской аристократ, а блёклая полуденная тень от него.

«Так даже лучше. Поговорю с ней, когда покончу со всем этим – чтобы ничего не отвлекало» – с этими мыслями Алэн

сел в карету и вернулся домой.

Утром прибыл экипаж, ровно в пол шестого, как Алэн того и хотел. Извозчик помог загрузить вещи, которых у молодого человека было не мало. И тёплые одежды, одеяла, книги. Он взял с собой и мешочек табака и трубку – курил он только когда сильно волновался, или хотел, чтобы события, происходящие в его жизни, скорее прошли.

Во время путешествия он останавливался на постоянных дворах, а когда он остановился всего в нескольких милях от Парижа, лошадей из его повозки чуть не украли. Преступника искали почти час, но, к облегчению Алэна, настигли, и лошадей вернули.

В Париж он прибыл глубокой ночью, хотя рассчитывал прибыть рано утром, чтобы нигде не останавливаться на ночлег, но плохая грязная дорога и проволочка с лошадьми сделали своё дело.

Ему некуда было идти и он остался дожидаться утра в повозке, обернувшись одеялом. На рассвете он подъехал к зданию, где располагался государственный суд.

Его не хотели даже пропускать во внутрь здания, но Алэн учинил такой скандал, что его было лучше пропустить. Алэн не раз выкрикивал свою фамилию, будто она была золотым ключом для входа в любые двери.

Добившись встречи с верховным судьёй, Алэн изложил ему свою проблему и преподнёс щедрое вознаграждение за помощь.

В принципе, дело это не заслуживало смертной казни – после смерти Людовика XIV вся Франция начала жить более весёлой и развязной жизнью, и открытие публичного дома очень редко приводило к казни, только если в эти дела не вмешивалось духовенство, которое всё же подчинялось регенту при малолетнем короле.

Это дело было для Алена делом совести, делом справедливости – он твёрдо обещал расправиться с бесчинствами и обещание это нарушить уже не мог. Каждый раз, когда он задумывался, а не слишком ли жестоко так поступить со своими друзьями, пусть и бывшими, он вспоминал бледное лицо его дорогой подруги Мадлен, и приходил в бешенство. Он никогда не умел обуздывать свою ярость, а в этот раз ей просто не было предела.

За щедрую плату верховный судья пообещал, что сегодня же пошлют решение суда марсельской жандармерии, которая должна будет доставить подозреваемых в Париж. Пока их будут везти, в суде быстренько состряпают дело и вынесут приговор о смертной казни.

Кто бы что ни говорил, а деньги имеют огромную власть. Если у тебя достаточно денег, ты можешь выбрать как казнить твоего друга – повесить, лишить головы или четвертовать.

Так как все виновные относились к знати, их было предложено казнить через отсечение головы, на что Алэн охотно согласился.

Заручившись поддержкой верховного судьи, а также лично познакомившись с палачом, который будет приводить смертную казнь в исполнение, и наделив его скромными дарами в размере пятисот тысяч ливров, он со спокойной душой отправился обратно в Марсель.

По дороге домой он остановился на самом ближайшем к Марселю постоялом дворе, и провёл там целые сутки, так как у владельца двора была припрятана отличная выпивка.

Прогуливаясь по тропинке вокруг конюшен, когда кучер запрягал экипаж, его вниманию предстала картина, изумившая, поразившая и обрадовавшая его до глубины души.

Прямиком из Марселя ехала какая-то крестьянская грузовая телега, в начале и конце которой сидело по жандарму, а в середине – четверо бедняг, имена которых были изложены в письме месье Планюлю – верховному судье Парижа. Рено де Акшерон, Гуаринот де Дюбойс, Годелив Джоанн де Атгаль и Лорентин де Бутайон – все четверо – приговорённые к смертной казни преступники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.